

О. В. Харсеева

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

*Работа представлена кафедрой теории и истории государства и права
Курского государственного университета.*

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доцент В. В. Захаров*

Статья посвящена вопросам уголовной ответственности несовершеннолетних в дореволюционной России. Период второй половины XIX – начала XX в. стал временем эволюции российского законодательства. Наряду с этим произошли значительные изменения в правовом положении несовершеннолетних. В статье основное внимание уделяется реализации нового законодательства. Выводы автора основаны на анализе нормативных актов, архивных материалов, а также исследований дореволюционных правоведов.

The article is devoted to the criminal responsibility of minors in pre-revolutionary Russia. The period of the second part of the 19th century and the beginning of the 20th one became the time of Russian legislation evolution. Great changes took place in legal position of minors. The author of the article pays special attention to the realization of new legislation. The author's conclusion is based on archival materials and investigations carried out by pre-revolutionary lawyers.

Период XIX – начала XX в. стал временем эволюции российского законодательства, в том числе об уголовной ответственности несовершеннолетних. В 1832 г. был издан XV том Свода Законов Российской империи, в котором был установлен постулат, ставший ориентиром уголовной политики в отношении несовершеннолетних: «Вина преступления, учиненного в малолетстве, уменьшается, и наказание ослабляется»¹. В 1833 г. в уголовное законодательство было введено понятие «условной вменяемости»: при вынесении приговора лицам в возрасте от 10 до 17 лет суд должен был учитывать «степень разумения»². Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. определило качественную характеристику минимального возраста уголовной ответственности – неспособность осознать «свойства» совершаемого деяния³.

Консолидация норм, касающихся уголовной ответственности несовершеннолетних, произошла с принятием закона от 2 июня 1897 г. «О малолетних и несовершеннолетних преступниках»⁴. Среди мер, применяемых к несовершеннолетним, важное место заняли: заключение в особые помещения при тюрьмах и арестных домах; направление в воспитательно-исправительные заведения; применение мер домашнего исправления; отдача в монастыри.

Целью законодателя стала замена карательной направленности правосудия в отношении несовершеннолетних на исправительную.

В основе карательного правосудия лежало применение мер наказания, не содержащих в себе воспитательных возможностей. Исправительные меры, напротив, должны были преимущественно воспитывать правонарушителя.

Поскольку анализ эволюции материального права не дает полного представления о реальном правовом положении юных правонарушителей, остановимся на реализации законодательных новелл.

Одной из первостепенных задач стало исключение из системы наказаний, применяемых к несовершеннолетним, тюремного заключения. Однако трудности ее реализации были заложены в самой формулировке закона. Так, когда правонарушителям в возрасте 14–17 лет за совершенное ими преступление грозило уголовное наказание, они помещались «для предварительного содержания *по преимуществу* (курсив наш. – Х. О.) в исправительные приюты либо колонии для несовершеннолетних преступников». Нередко судьи, разбирая дела 14–17-летних правонарушителей, обвиняемых в краже на сумму не свыше 300 рублей, присуждали их прямо к заключению в тюрьму на 1,5–2–3 месяца (иногда больше)⁵. Отметим, что кражи в номенклатуре преступлений, совершаемых несовершеннолетними, преобладали.

Применение к несовершеннолетним заключения в особых помещениях при тюрьмах и домах для арестуемых также было затруднено главным образом из-за

отсутствия точного определения самого понятия таких помещений. Некоторые правоведы видели в них альтернативу тюремному заключению. Так, С. В. Познышев отмечал, что «особое помещение, о котором говорит закон, не есть ни особая тюрьма, ни особое отделение тюрьмы»⁶. При этом он обращал внимание на то, что в списке наказаний, установленном в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных и Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, «особые помещения» не упомянуты. Следовательно, характер заключения в данных помещениях, режим этих помещений уголовными законами не был закреплен. Данное обстоятельство порождало двоякие последствия. С одной стороны, появлялась возможность не различать заключение в особых помещениях от заключения в тюрьме по характеру и режиму, просто помещая несовершеннолетних отдельно от взрослых, но распространяя на них тюремные порядки. С другой – это же позволяло говорить о совершенно ином характере данного наказания, поскольку закон, упоминая «особые помещения» для несовершеннолетних, указывал аналогичный предельный срок содержания в них, что и для воспитательно-исправительных заведений (т. е. до достижения 18 лет), или назначал совершенно иные сроки пребывания в данных помещениях, чем которые были приняты для тюрьмы или ареста. Это дало основания современникам утверждать, что «особые помещения при тюрьмах или домах для арестуемых представляют собой совершенно своеобразную меру, нечто среднее между воспитательно-исправительным заведением и тюрьмой, но, по духу закона, более близкую к первому, чем ко второй»⁷. Отметим, что попытки создать подобные помещения в этом качестве были единичными.

Среди мер, установленных специально для несовершеннолетних, наиболее желательным законодатель признавал помеще-

ние их в воспитательно-исправительные заведения. Однако создание широкой сети таких заведений также было делом будущего. Их приемоспособность ко времени издания закона от 2 июня 1897 г. не достигала и 400 человек, тогда как среднее число осуждаемых несовершеннолетних в возрасте 10–17 лет за трехлетний период (1895–1897 гг.) равнялось 4207 человек в год⁸. К 1917 г. по всей стране было создано только 61 подобное заведение вместимостью 2705 человек⁹. Это отчасти объясняет, почему в законе от 2 июня 1897 г. содержатся следующие формулировки: «*могут быть обращаемы в воспитательно-исправительного заведения*», «*обращаются по преимуществу в воспитательно-исправительного заведения*».

Помещение несовершеннолетних в монастыри признавалось законодателем неудовлетворительной мерой. В первую очередь указывалось на ее несоответствие задачам исправления¹⁰. В циркулярном распоряжении министра юстиции по этому поводу говорилось следующее: «При разрешении в каждом случае вопроса об избрании монастыря местом содержания несовершеннолетнего, судебные места должны руководствоваться тем соображением, что помещение или заключение в монастыри, призванные по преимуществу удовлетворять духовным потребностям иного рода, чем наблюдение за несовершеннолетними преступниками и их воспитание, может быть допускаемо только как мера исключительная, при совершенной невозможности применения других определенных законом способов воздействия»¹¹.

Отдача под ответственный надзор «законных представителей и лиц, изъявивших на то согласие», по мнению некоторых правоведов, было мерой «наиболее целесообразной»¹². Однако ее применение было затруднено вследствие частого отсутствия таких лиц. Решение данной проблемы, предложенное Сенатом, было фор-

мальным. Так, Сенат разъяснял, что розыск благонадежных людей является добровольной мерой, а не обязанностью суда. Если суд признает родителей и родственников несоответствующими по своим нравственным качествам к попечению о несовершеннолетнем, то надзор вверяется посторонним лицам. Если же эти лица отказываются, то надзор вверяется родителям или родственникам, которые не могут отказаться, так как на них законом возложены обязанности воспитания своих детей¹³. Добавим, что применение данной меры имело и своих противников. Отмечалось, что в большинстве случаев юные правонарушители имели за собой уже «преступный формуляр», побывали не на одном суде, поэтому для них отдача под ответственный надзор – «бесполезная» мера пресечения¹⁴.

В заключение отметим, что, несмотря на трудности и недостатки при внедрении в практику воспитательно-исправительных мер, можно говорить о благотворном их влиянии на несовершеннолетних. Подтверждением этому отчасти могут служить результаты деятельности воспитательно-исправительных заведений. Одним из критериев ее оценки является процент рецидива среди несовершеннолетних, вышедших из этих заведений. Например, в Санкт-Петербургской колонии рецидив составлял 25%, в Саратовском учебно-исправительном приюте – 11,3%, в московском Рукавишниковском приюте – 10%, в Курской колонии – 8,3%. Для сравнения: тюрьмы давали в среднем до 70% рецидивистов¹⁵. Это позволяет говорить о большом потенциале принимаемых законодателем мер для решения проблемы преступности несовершеннолетних.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Свод законов Российской Империи. Т. XV. Законы уголовные. СПб., 1832. Ст. 126.
- ² Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 8. СПб., 1834. № 6288.
- ³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. Ст. 98 п. 2.
- ⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1916. Ст. 137–140.
- ⁵ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (издание 1885 г.). СПб., 1902. С. 169.
- ⁶ *Познышев С. В.* К вопросу о несовершеннолетних преступниках // Вопросы права. 1910. Кн. 11. С. 50.
- ⁷ Там же. С. 52, 54.
- ⁸ *Дриль Д. А.* Исправительное воспитание и закон 2 июня 1897 г. // Журнал министерства юстиции. 1898. № 6. С. 191.
- ⁹ *Гернет М. Н.* Моральная статистика. М., 1922. С. 106.
- ¹⁰ *Чарыхов Х. М.* Отношение действующего уголовно-процессуального законодательства к малолетним и несовершеннолетним в России // Дети-преступники: Сб. ст. / Под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 49.
- ¹¹ Циркулярные распоряжения министра юстиции (о формах и обрядах судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних) // Юридическая газета. 1897. № 71. С. 3.
- ¹² *Чарыхов Х. М.* Указ. соч. С. 49.
- ¹³ Там же. С. 78.
- ¹⁴ *Банцегов В.* О неотложности устройства исправительных приютов и особых помещений при тюрьмах и арестных домах // Журнал министерства юстиции. 1900. № 4. С. 196.
- ¹⁵ *Ровинский П. А.* Санкт-Петербургская земледельческая колония // Журнал гражданского и уголовного права. 1877. Кн. 4. С. 151, 209, 225, 226.